Г. О. Винокур

Критика поэтического текста

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82.09
ББК 83.3
Г11

Г. О. Винокур
Г11 Критика поэтического текста / Г. О. Винокур – М.: Книга по Требованию, 2015. – 132 с.

ISBN 978-5-458-50211-5

Эта книга составилась из доклада, прочитанного мною в феврале 1925 г, в пленарном заседании литературной секции Г.А.Х.Н. и в конце того же года переработанного и значительно дополненного мною для печати, под заголовком „Русская филология и русские поэты". По причинам от меня независящим, опубликование этой книжки задержалось на полтора года, но при нынешнем последнем ее пересмотре переменить мне в ней не пришлось почти ничего и я ограничился только несколькими мелкими дополнениями.Что касается самого содержания этой работы, то меня интересовали в ней преимущественно методологические вопросы. Однако изложение свое я строил применительно к практической проблеме, стоящей перед ученым издателем художественного текста.

ISBN 978-5-458-50211-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

мною часто упоминаются имена двух видных представителей современного пушкиноведения: М. Л. Гофмана и Б. В. Томашевского. Не моя вина, если в наше время нельзя в ученой работе говорить о тексте Пушкина, откуда я черпаю большую часть своих иллюстраций, без того, чтобы не были упомянуты оба эти имени. К тому же как раз эти исследователи выступали с методологическим обоснованием своей практической работы. По отношению ко второму из названных лиц упрек в полемическом тоне и вовсе безоснователен. Внимательный читатель без труда заметит, что при всем различии наших общих взглядов и устремлений, я сплошь да рядом только по своему излагаю то же самое, что предполагаю за формулировками Томашевского, но с большей на мой взгляд последовательностью и логической точностью.

Г. Винокур

Москва, 24-го января 1927 г.

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Известный русский ученый Евгений Аничков, внимательно изучив в 1913 году вопрос о тексте лермонтовского Демона, пришел в результате своих занятий к выводу, что филологические знания в России, поскольку они выражаются в правильном издании художественных текстов, находятся в состоянии „неутешительном“ [1]). Этот прискорбный вывод можно было бы без особых натяжек расширить и в сторону иных задач филологии. Но даже и в таком специальном применении вывод этот стоит того, чтобы не пройти мимо него равнодушным. Я не буду здесь указывать на очевидную для всякого огромную ответственность тех, кто призваны дать читателю подлинный текст отечественного писателя. Равным образом, я не стану здесь останавливаться на не менее очевидном факте, что бесспорное большинство русских писателей, в особенности—поэты, по сю пору вполне удовлетворительно не изданы. Но если даже никто не решится утверждать, что русская филология остается бездеятельной и не добилась успехов в области критики текста, то и при этом условии все же совершенно необходимой кажется мне попытка осмыслить принципиальное значение тех задач, с которыми связана работа над правильным, критическим изданием художественного текста. Такая попытка научной рефлексии на задачи филологи-

[1]) Е. Аничков. Методологические замечания о тексте Демона.—Известия II Отд. Акад. Наук, 1913, кн. III, стр. 344.

ческой критики текста и на методы, которыми задачи эти решаются, представляется мне особенно важной в наше время, характеризующееся несомненным оживлением интересов к данного рода проблемам. С 1909 года начали выходить новые критические издания русских поэтов в серии: Академическая Библиотека Русских Писателей (Кольцов, Лермонтов, Грибоедов, Баратынский). Иные из этих изданий породили обширную литературу, заново, иногда при этом в очень резкой постановке, выдвинувшую ряд насущных текстологических вопросов. Перед началом войны было сделано несколько попыток дать образцовые, читательского типа, издания некоторых избранных писателей (С. Аксаков, Никитин и незаконченный Гоголь в издании „Деятеля", Гоголь в издании „Брокгауз и Ефрон" и др.). В самое последнее время, в связи с различными пореволюционными архивными находками, возник сложный вопрос о тексте Достоевского, Л. Толстого. В то же время беспрерывно продолжаются поиски и новые работы в области пушкинского текста, привлекающего внимание наших лучших филологов и служащего до сих пор предметом неслабнущего, постоянного интереса. Интерес этот, правда, иногда есть следствие не столько научной пытливости, сколько той своеобразной „моды", которая не первый уже год, восходя если не ошибаюсь к традиции П. Ефремова, проявляется в суетных поисках все новых чтений и поправок, в неоправданной погоне за „открытиями" и т. п. Но именно в связи с успешным и всесторонним изучением источников пушкинского текста, естественно породившим стремление придать этому последнему окончательный, как говорят иные—„канонический" вид, возникли и такие работы, в которых наряду с практическими и методическими вопросами ставятся также некоторые вопросы методологического порядка. Вопросы методологи-

ческие и принципиальные, как следует из до сих пор сказанного, являются направляющими и для последующего изложения, которое будет пользоваться частными проблемами из области текстологической практики все в тех же общих интересах. Для начала поэтому мы и обратимся к указанным методологическим попыткам деятелей нашего пушкиноведения, чтобы в свете их теоретических построений отчетливее увидеть и разглядеть нашу собственную проблему.

II. ВОЛЯ АВТОРА И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Естественно начинать с установления предмета той научной деятельности, методологические основания которой надлежит отыскать. В данном случае к этому вынуждают не только сами по себе методологические требования, но также и ярко выраженный практический характер того вида научной деятельности, который мы именуем критикой текста. Внешне, правда, вопрос этот особых затруднений как будто не вызывает. Какова в самом деле задача филолога, редактирующего издание художественного произведения? Ответ: напечатать правильный текст. Но наш вопрос о задачах филологической критики только тогда и начинается, когда мы спрашиваем: а что же такое этот правильный текст? Как вообще, в каких условиях, может идти речь о правильном и неправильном в применении к поэтическому, художественному тексту? Об этом стоит подумать: почему возникает самая потребность различать какой-то особый, пусть это будет „правильный" в кавычках, текст, среди прочих „неправильных"? Как возникает и чем обусловлена здесь самая проблема выбора? Может показаться, что и этот вопрос не связан с особыми затруднениями: тем не менее они есть,—иначе поэтический текст не имел бы своей истории. Ведь если мы скажем, что эта проблема выбора возникает в силу наличности одних хотя бы авторских вариантов, то дает ли нам еще это указание право уже заранее предполагать, что какие-то из этих вариантов нужно будет отнести в категорию „неправильных"? Не-

посредственно такое право нигде решительно не может быть усмотрено. Неуязвим с этой точки зрения Б. В. Томашевский, когда говорит, что „каждое обращение поэта к поэтической форме есть безусловно поэтический факт, засвидетельствованный поэтическим документом“ [1]). С точки зрения свободной читательской оценки, можно было бы разумеется сказать, что стихи:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам,—

лучше, нежели их первоначальный вариант:

Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной.

Окончательная редакция несомненно лучше, и это можно доказывать. Но если только согласиться, что никто пока не дал нам права ставить знак равенства между „лучшим“ и „правильным“, то остается еще раз спросить: где же основания, в силу которых следует предпочесть вторую редакцию первой? Скажут: но ведь Пушкин „сам“ зачеркнул первую редакцию! Томашевский однако резонно на это ответит: а разве Гоголь не сжег Мертвые Души? Формально таким образом позиция Томашевского, повторяю, остается неуязвимой. Значит ли это однако, что прав он и в конечных своих выводах, которые состоят в том, что научная постановка вопроса о выборе в данном применении вообще невозможна, и что „канонического“ текста, которого ищет редактор,

[1]) Б. Томашевский. Новое о Пушкине.—Литературная Мысль I, 1923, стр. 172.

нет и не может быть? И не может ли оказаться, в результате соответствующего анализа возникших перед нами понятий, что в каком-то особом и специфическом смысле подобный „канон“ все же существует, а проблема выбора может быть поставлена и научно?

Приведенные формулировки Томашевского являются результатом его полемических рассуждений по адресу Модеста Гофмана, который особенно горячо отстаивает необходимость „канонического“ текста в своей книжке: Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Стоит прислушаться к аргументации Гофмана и к тем возражениям, какие она встречает со стороны Томашевского. Эта дискуссия достаточно плодотворна для того, чтобы из нее можно было вывести надлежащие заключения.

Позиция Гофмана прямолинейна и категорична в той же мере, в какой решителен критический приговор Томашевского. Исходя из естественного убеждения, что пора прекратить издательскую распущенность в деле печатания пушкинского текста, Гофман подводит под это свое убеждение основания столь шаткие, что не только сам дает готовое оружие в руки своим критикам, но и обесценивает в значительной мере свою собственную практическую работу.—Гофмана в сущности заботит не столько проблема установления правильного текста, сколько ограждение художественной воли поэта от покушений на нее со стороны филологов. Об этой „воле поэта“, которую кстати сказать он далеко не всегда отличает от воли автора в биографическом, а не художественном смысле, Гофман говорит гораздо пространнее и куда охотнее, чем о тех действительных затруднениях, которые не могут не возникать перед каждым сколько-нибудь добросовестным редактором. Отсюда и получается, что там, где подлинные проблемы критической методологии только начи-

наются, Гофман ставит уже точку, считая все дело покончен-ным. Ведь если задача редактора, как то утверждает Гофман, заключается в том, чтобы в редактируемом им издании „наиболее полно и совершенно осуществилась и выразилась художественная воля поэта" [1]),—то казалось бы прежде всего возникает необходимость обнаружить эту волю, найти и прочесть оставленное поэтом художественное завещание. Вот этот то вопрос Гофман решает совершенно догматически, ссылкой на последнюю редакцию того текста, о котором в данном случае идет речь. То, что напечатано Пушкиным в последний раз при его жизни, а для текстов, прижизненной печатной истории не имеющих, то, что в последний раз написано Пушкиным, — это и есть искомый канон. Редактору остается лишь точно и слепо следовать документу, который дает последнюю редакцию. Редактор не имеет права восстанавливать пропусков, с которыми печатал Пушкин свои стихи [2]), раскрывать условные заглавия (инициалы, звездочки и т. п.) и не смеет даже исправлять описки и опечатки, т. е. предлагать конъектуры.

Такова нехитростная теория Гофмана. Как видим, для редактирования поэтического текста особых качеств не требуется. Помимо необходимых библиографических сведений, которые позволяли бы знать, где найти последнюю редакцию, редактору вменяются в обязанность лишь умеренность и аккуратность. Что же до научного творчества о законах которого в данном применении мы хотели бы естественно узнать от Гофмана, то оно разрешается разве

[1]) Первая глава.... 1922[2], стр. 57.

[2]) Исключение делается для цензурных пропусков. Насколько однако боится Гофман нарушить волю автора, видно из того, что несомненный цензурный пропуск XIII строфы стих. К м о р ю („Мир опустел" и т. д.) он хочет истолковать как авторское задание. Ор. с., стр. 69 сл.

только в самых крайних случаях. Так напр., в случае отсутствия авторизованной последней редакции, „работа редактора значительно осложняется необходимостью применять филологический метод при изучении различных списков и восходить к их архетипу“ [1]). Запомним для дальнейшего, что во всем остальном от обязанности „применять филологический метод“, как и вообще очевидно какой-либо метод, кроме разве канцелярского, редактор сочинений Пушкина освобождается.

В этой теории Гофмана следует различать ее принципиальные основания от практических положений. Критерий „воли поэта“ есть общее место в текстологической литературе: он не впервые Гофманом выдвинут и никому еще не мешал до сих пор успешно работать над текстами в такой мере, как Гофману. Для примера сошлюсь хотя бы на академическое издание сочинений Грибоедова, редактор которого Н. К. Пиксанов не менее настойчиво чем Гофман указывает на волю поэта как на основной принцип критики текста, и тем не менее, как увидим далее, правильно решает свою задачу и тогда, когда одной абстрактно понятой воли поэта для выбора вариантов оказывается недостаточно. Обращение к последней редакции, методически предписываемое Гофманом редакторам, имеет конечно свою цену, поскольку в большинстве случаев именно в последней редакции, хотя бы априорно только, естественнее всего видеть предельное и окончательное воплощение авторского замысла, до конца „сработанную“ художественную вещь. Но ценность этого методического совета во всяком случае далеко не абсолютна. Более того: он теряет всякую свою цену, как только начинает претендовать на абсолютную непогрешимость и не считается с конкретной историей отдельного

[1]) Ibid., стр. 140.

литературного памятника. В этом случае предлагаемый Гофманом практический прием механизуется и превращается всего на всего в хронологическую штампованную мерку. С указания на эту механизацию и начинает Томашевский свои возражения Гофману: „Слишком упрощенным"—пишет он—„является хронологический критерий: что позже, то и лучше. А как быть с Богдановичем, который на старости лет портил свою Душеньку?" [1]).

Но если практически обращение к последней редакции в большом числе случаев все же оправдывается, то та принципиальная база, которую подставляет Гофман под свое механическое правило—во всяком случае лишена решительно всякой ценности. Что такое воля поэта? Ведь она столь же изменчива, как тот текст, в котором она себя обнаруживает. Если цель Гофмана сводилась только к тому, чтобы доказать неправомерность искажения или „переиначивания", как он выражается, пушкинского текста, то ведь это ясно и без тех психологических оснований, на которых думает утвердить Гофман свою методику: искажая пушкинский текст, мы просто лишаемся пушкинской поэзии,—для филолога этого право-же достаточно. Ведь вся речь идет о том, как уберечь этот текст от искажения, пусть и невольного. Если же Гофман действительно думал, что человеческая воля поэта должна быть для нас священна в том смысле, в каком почтительный сын, исполняя отцовское завещание, женится на нелюбимой девушке,—то такое пониманис проблемы способно привести к самым крайним недоразумениям. Отсюда только один шаг до „нарушения воли" Гончарова и т. п. А что Гофману очень не далеко и до такой интерпретации критерия „воли поэта"—видно из весьма многих его утверждений. Достаточно уже и того, что целый ряд

[1]) Новое о Пушкине, стр. 172.—Далее ссылок не делаю.